

Матомедов М. 1977
в
1977

о всемирной
" 10

В тени убегающей лани.

" Ю. Никулин - "Почти серьезно"

М О. Есенине.
**Молодая
гвардия**

Молодая гвардия

Россия свято хранит память о сыне простого рыбака из деревни Мишанинской, который, по словам Н. А. Некрасова, «стал разумен и велик». Потомок поморов русского Севера, впитавших в себя дух вольного Новгорода, Михаил Васильевич Ломоносов и сейчас олицетворяет для нас пылкость и глубину ума, дерзость и широту научного поиска, умение раздвинуть горизонты времени.

В истории русской культуры XVIII века вряд ли найдутся равные ему по энциклопедической образованности и разносторонности: поэт, ученый, государственный деятель. С именем Ломоносова связана целая эпоха в борьбе за материализм в науке. Вот как оценил его деятельность видный советский ученый академик С. И. Вавилов: «Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гёте более специальны и со-

Е. Лебедев. Огонь — его родитель. М., «Современник», 1977.

средоточены. Замечательно при этом, что ни одно дело, начатое Ломоносовым, будь то физико-химические исследования или оды, составление грамматики и русской истории или организация и управление фабрикой, географические проекты или политико-экономические вопросы, — все это не делалось им против воли или даже безразлично. Ломоносов был всегда увлечен своим делом до вдохновения и самозабвения: об этом говорит каждая страница его литературного наследия».

Переносясь мыслью через века, хочется снова и снова спросить себя, а каким был этот человек, что собой представлял его характер? Была ли это просто гениально настроенная «машина для производства идей и изобретений»? Что составляло существо личности Ломоносова, «самобытного сподвижника просвещения между Петром и Екатериной» (Пушкин)?

До выхода в свет книги Евгения Лебедева читатель не находил в существующей литературе полных ответов на данные вопросы. Личность

Ломоносова многим не представлялась ни загадочной, ни таинственной, а его жизненный путь, покрытый хрестоматийным гляncем, казался хотя и тернистым, но ясным. Большинство исследователей удовлетворялось иконописным образом «ученого из народа».

Жизнь и деятельность Ломоносова рассмотрены Е. Н. Лебедевым на фоне интереснейшей исторической эпохи, в тесном соотношении с творчеством других видных представителей русской литературы XVIII века, в сопоставлении с западноевропейской культурой. Запоминается, например, образ первого в России профессионального литератора В. К. Тредиаковского, блестящего знатока европейских и древних языков, поэта и переводчика, автора «Нового и краткого способа к сложению российских стихов», игравшего волею судьбы то роль придворного одописца, то придворного шута, фигуры трагической в ее отъединенности от живой русской действительности.

В первой части книги интересен рассказ о студенческих годах Ломоносова в Германии. Мы видим здесь незаурядного человека, который уже в юношеские годы постигает массу сведений, но не становится ученым педантом, сухарем, не уподобляется ученику Фауста. Ломоносова хватает на все: и на полуночные бдения в лаборатории, и на чтение новейшей философской и научной литературы на нескольких европейских языках. И вместе с тем Ломоносов танцует, учится фехтованию, влюбляется, словом, ни в чем не отстает от настоящего бурша. Обращает на себя внимание описанное в книге его столкновение с Генкелем,

фрейбургским химиком. Простолудин, благоговеющий перед научными авторитетами, не имеющий никакой поддержки со стороны «сильных мира сего», Ломоносов смело защищает достоинство и честь человека, так как уверен, что мысль и чувства не зависят от ранга, а научная истина — от позолоты мундира.

В книге Е. Н. Лебедева новому заблистали грани характера Ломоносова, человека новой формации, «вполне постигшего нравственную сущность происшедших перемен, мечтающего о том, чтобы все люди приобщились к великим тайнам природы: ведь в этом приобщении, в самом стремлении познать причины вещей и явлений происходит духовное выпрямление человечества, его раскрепощение». Характер Ломоносова раскрывается в преодолении многочисленных препятствий, в борьбе с трудностями, которые мешали ему, человеку «подлого звания», проникнуть в мир науки. Материальные лишения, по сути дела, всегда преследовали Ломоносова даже тогда, когда он стал академическим профессором. Много сил отнимала у Ломоносова борьба в Академии наук против злоупотреблений казнокрадов — немцев, вроде управляющего канцелярией Шумахера и его зятя Тауберта, препятствовавших улучшению состояния академического университета и гимназии, не заинтересованных в развитии русской науки. «Огонь — это абсолютное беспокойство». Эти слова Гегеля, ставшие эпиграфом одного из разделов книги, выражают сущность всей жизни Ломоносова, который любому делу отдавался горячо, с головой, не делал ничего

вполсилы, равнодушно. И думается, что Евгений Лебедев, постоянно обращаясь к образу огня, уловил самую суть ломоносовского характера. Автор рассказывает, как в начале 1740-х годов, сразу после возвращения из Германии, Ломоносов пережил колоссальную вспышку творческой активности и в его сознании сверкнули десятки гениальных догадок и замыслов, которые почти все были им доведены до логического завершения. Говорят, что гениальность — это прежде всего терпение. Но терпение без дерзновенного полета мысли не дает человеку права называться гением. В 40—50-е годы XVIII века Ломоносов выдвигает ряд научных идей, значительно опередивших развитие европейской научной мысли. Это идеи об изначальности мира физического и человеческого, о всеобщности законов природы и изменчивости вещества. Ломоносов сформулировал закон сохранения массы и движения, создал механическую теорию тепла как следствие вращения частиц материи, учение об атмосферном электричестве. В это же время он написал прозаическое «Слово о пользе химии» и поэму «Письмо о пользе стекла». Поэма эта — вдохновенный поэтический рассказ о борьбе науки с невежеством. Ломоносов использует сам все ту же идею вечного огня, универсально господствующего во вселенной, огня земного, «сведенного с небес», которым первый завладел Прометей. Тот передал его людям. А они научились с помощью огня выплавлять металлы и изготовить стекло.

Теперь в маленькой академической лаборатории Ломоносо-

ва, творивший чудеса в стекловаренной печи, был сродни его внутреннему огню творческого горения, союзнику справедливого начала, другу истины. «Мысль человеческая, — пишет автор, — постоянно материализуется. Вещи, созданные человеком, необходимо вбирают в себя духовное качество. В природе огонь соединяет, разлагает и вновь соединяет материю, в человеческом мире — мысль». Так было и с мыслью Ломоносова. Его поэма, защищающая и прославляющая стекло, на самом деле утверждает необходимость борьбы человечества за истину. В книге Евгения Лебедева убедительно показано, как глубокая гуманистическая идея духовного освобождения человечества пронизывает все поэтические произведения Ломоносова, составляет пафос его деятельности как ученого. Ломоносов был первым русским просветителем, соединившим в себе ученого и художника. Этот синтез мыслителя и поэта — тот идеал, к которому стремится современное искусство. Ломоносов и здесь на два столетия опередил время. Его поэтическое наследие бесценно. Наибольшим гражданским пафосом проникнуты похвальные оды Ломоносова. Автор рассматривает оды в связи с историей жанра и проблемой положительного героя в творчестве «русского Пиндара». Для Ломоносова таким героем был Петр I (незаконченная поэма «Петр Великий»). Однако в принятой им концепции «просвещенного монарха» было и нечто свое, идущее от русских поморов. Это вера в «доброе» царя, крепкого, рачительного «работника на троне». Ломоносов искал и не находил сре-

ди преемников Петра I хотя бы его бледную тень. Так за несколько десятилетий до Пушкина Ломоносов создал идеал «строителя России», на который должны были бы равняться монархи его времени.

По мнению Ломоносова, страна остро нуждается в умных, энергичных людях, обладающих ясным умом и хозяйственной сметкой, ей нужны «собственные Платоны» и «быстрые разумом Невтоны», которые бы извели ее недра, заставили бы их раскрыть перед народом свое богатство. Присущая всем европейским просветителям оптимистическая вера в помощь «счастливых наук» пронизывает оды Ломоносова, замечательные гимны будущему просвещению и научному подвигу.

Интересно и живо очертив человеческий облик великого ученого, Е. Н. Лебедев совсем не затронул некоторые аспекты его деятельности, которые представляются, однако, немаловажными. Речь идет об исторических воззрениях Ломоносова и его отно-

шении к культурному прошлому России, в частности, к древнерусской литературе. Можно было бы полное использовать в данной книге и материалы библиотеки Ломоносова, как известной ее части, так и недавно найденной в Хельсинки.

Е. Н. Лебедев в книге «Огонь — его родитель» правильно ставит и решает вопрос об истоках и социальных причинах величия личности Ломоносова. «Ломоносов — этот «человек, исторгнутый из среды народных» (Радищев), всей своей жизнью подтвердил удивительную способность русских людей не просто к преодолению трудностей, а к плодотворному их преодолению... Гений так же, как и народ, — это постоянная способность к саморазвитию, к самосовершенствованию через погубление частных в целом... Гений Ломоносова — гений русский: это, по сути, знаменитая русская смекалка, возведенная «на высочайшую степень величества, могущества и славы».

Юрий БЕГУНОВ